

Дмитрий КАПУСТИН

АНТОН ЧЕХОВ: ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД В ЕВРОПУ

(по свидетельствам
собственным и друзей)

Свое первое путешествие в Европу (март—апрель 1891 года) Чехов предпринял всего лишь три месяца спустя после первого, «главного путешествия жизни» — азиатского (апрель—декабрь 1890 года). Тогда он проехал в повозке через всю Сибирь на Сахалин, пробыл там три месяца и возвратился тропическими морями в Одессу через Гонконг, Сингапур, Коломбо и Порт-Саид. И заняло оно семь с половиной месяцев¹.

Теперь же было путешествие в другую часть света.

Еще недавно Чехов болел после возвращения из Азии (перебои в сердце, жар по вечерам, сильное недомогание), разбирался с отставленными творческими делами, как уже 5 марта ответил на предложение А. С. Суворина: «Едем!!! Я согласен куда угодно и когда угодно. Душа моя прыгает от удовольствия. Не поехать было бы глупо с моей стороны, ибо когда еще представится случай?»².

Чехов мечтал о путешествии по Европе давно, был «на низком старте» в 1888—1889 годах — об этом неоднократно говорится в его переписке. Однако в том же самом письме Суворину Чехов сетовал, что существуют две серьезные помехи — «сахалинская работа», то есть над путевыми заметками о Сахалине, а также то, что «совсем нет денег». В это время Чехов задолжал Суворину около двух тысяч рублей за предыдущий вояж.

Богатый издатель, очевидно, предоставил очередной кредит и уже 19 марта через Варшаву и австро-венгерскую границу в роскошном вагоне «Интернационально-

Дмитрий Тимофеевич Капустин родился в 1942 году в Москве. Окончил Московский государственный институт международных отношений, специалист по странам Востока, кандидат исторических наук. Работал в системах Министерства иностранных дел и Академии наук СССР, в органах центральной прессы. Ряд лет преподавал в вузах Южной Кореи. Автор книг и статей по международным отношениям на Дальнем Востоке. В сферу увлечений и научных интересов Д. Т. Капустина входит также творчество и биография Антона Павловича Чехова. Им опубликован ряд статей по этой тематике (в том числе в журналах «Москва», «Новый мир», «Нева»), а также книга: «Антон Чехов на Востоке». Сборник статей. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing. 2012, 264 с. (на русском языке).

¹ См. подробнее: Капустин Д. Т. Азиатское путешествие Антона Чехова, 1890 год. М.: Этерна, 2016, 280 с.

² Письма цитируются по Полному собранию сочинений и писем А. П. Чехова (1974—1983) — далее ПССиП. Даты писем упомянуты в тексте.

го общества спальных вагонов» путешественники (включая двух сыновей Суворина) прибыли в Вену. Суворин любил останавливаться в фешенебельных отелях, обедать в лучших ресторанах, и Чехову пришлось следовать за ним. Позднее в письме родным (7 апреля) он напишет: «За поездку, которую я solo совершил бы за 300 руб., я задолжал тысячу. Вся надежда на дураков любителей, которые будут играть моего „Медведя“».

Важно подчеркнуть, что на этот раз писатель поехал «без подготовки», без той кропотливой трехмесячной научной подготовки, которая предшествовала путешествию на Сахалин и в Азию. Во всем Чехов положился на Суворина, человека бывающего, весьма образованного: в выборе маршрута, ночлегов, музеев, исторических достопримечательностей и т. д. и даже в переводе с иностранного. Хотя по приезде в Вену Чехов обнаружил, что «не совсем забыл немецкий язык. И я понимаю, и меня понимают» (в письме от 20 марта). Тем не менее опытный «гид» и прекрасный собеседник был как нельзя кстати для него.

Писатель взял с собой записную книжку (уже начатую), но вел довольно фрагментарные записи о путешествии (всего на семи страничках), которые перемежались с фразами и идеями для своих новых задумок. Касались они в основном трех произведений: «Дуэль» (опубликована в 1891 году), «Соседи» (1892) и «Три года» (1895). О серьезности творческих намерений говорит и одна из первых записей книжки, сделанная в вагоне: «Попробовали приспособление для писания. Ничего, пишется, хотя и плохо»³. И далее в путешествии не прерывалась постоянная работа писательского ума, и как отмечал сам писатель позднее «пишу помаленьку».

Известный британский чеховед Д. Рейфилд полагает, что Чехов впервые увидел Европу как бы «не в фокусе», поскольку буквально перед отъездом у него сломалось пенсне, которым он пользовался при чтении и письме. Но думается, это не было существенным препятствием, чтобы рассмотреть Европу в деталях.

Из Вены в Венецию

Вена и Венеция (поначалу) произвели на Чехова потрясающее впечатление. К тому же в Европе уже наступила весна, теплело день ото дня, от города к городу. Кажется, во всем эпистолярном наследии писателя не найти больше восторженных слов и восклицательных знаков. Только один пример (из письма родным 20 марта): «Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни. Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все 6- и 7-этажные, а магазины — это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Одних галстухов в окнах миллиарды! Какие изумительные вещи из бронзы, фарфора, кожи! <...> Особенно хороши собор св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенье к чаю. <...> Здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст». Чехов был немало удивлен, что «в каждом переулке непременно книжный магазин», «странно, что здесь можно все читать и говорить, о чем хочешь».

Писателя поразил даже парадный быт столицы европейской империи: «Какие здесь извозчики, черт бы их взял. Пролеток нет, а все новенькие, хорошенькие кареты в одну и чаще в две лошади. Лошади прекрасные. На козлах сидят франты в пиджаках и в цилиндрах, читают газеты. Вежливость и предупредительность. Обеды хорошие. Водки нет, а пьют пиво и недурное вино. <...> Женщины красивы и изящны».

³ ПССиП, т. 17, с. 9.

Из Вены в Венецию путешественники отправились по красивой дороге через Альпы. Побывать в этих горах Чехов мечтал давно. «Но я разочаровался в этой дороге, — писал писатель родным 22 марта. — Горы, пропасти и снеговые вершины, которые я видел на Кавказе и на Цейлоне, гораздо внушительнее, чем здесь». При чем воспоминания об Азии, сравнения с Европой неоднократно появлялись тогда в письмах как перед самой поездкой, так и в ходе ее.

В первых впечатлениях о «восхитительной голубоглазой Венеции» сквозит просто «щенячья радость», столь необычная для сдержанного Чехова. Вот одно из рассыпанных писем (брату Ивану от 24 марта): «Замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. Вместо улиц и переулков каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная <...>. Плынешь в гондоле и видишь дворцы дождей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились. Одним словом, очарование». И далее следуют эмоции, характерные скорее для экзальтированного студента: «А вечер! Боже ты мой господи! Вечером с непривычки можно умереть. <...> Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться...»

Много лет позднее Суворин писал, что Венеция захватила Чехова «своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцами дождей и проч.». Это в чем-то подтверждал и сам писатель. «Посадите меня в сумасшедший дом, — написал Чехов 25 марта М. В. Кисилевой, своей хорошей знакомой, хозяйке незабвенного имения Бабкино на Истре. — Гондолы, площадь св. Марка, вода, звезды, итальяночки, вечерние серенады, мандолины, фалернское вино — одним словом, все пропало!»

Чехов нашел, что жизнь в Венеции дешева, в том числе дешева квартира и стол, гондольер, а «в музеи, академии и проч. пускают даром». И вывод (в письме родным 25 марта): «Одним словом, дурак тот, кто не едет в Венецию. <...> В десять раз дешевле Крыма, а ведь Крым перед Венецией — это каракатица и кит. <...> В будущем году поедем все на дачу в Венецию. <...> Какие итальяночки, стоящие на коленях с молитвенниками!» На другой день он несколько корректирует свои выводы о дешевизне, но все же заключает: «Все-таки здесь дешево. Здешний франк здесь то же, что в России рубль».

В Венеции случилась известная встреча и знакомство с Мережковским и его супругой, они провели какое-то время вместе. Тот оставил в 1910 году воспоминания, пролившие некоторый свет как на европейский вояж, так и на биографию писателя в целом. Он запомнил сдержанность Чехова, человека «с русским лицом интеллигента из поповичей», который «в горячие споры не вступал» и никакой восторженности по поводу Италии не высказывал. Схожие впечатления от первой встречи остались в дневнике и у супруги, Зинаиды Гиппиус: «Нормальный провинциальный доктор. Имел тонкую наблюдательность в своем пределе — и грубоватые манеры, что тоже было нормально»⁴.

Между прочим, не менее яркое запомнилось и Чехову (в письме Ивану 24 марта): «Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга».

Однако именно в Венеции просыпается в Чехове первый скепсис (в письме родным от 26 марта): «Лупит во всю ивановскую дождь. Venezia bella перестала быть bella. От воды веет унылой скукой, и хочется поскорее бежать туда, где солнце». Он как бы становится более разборчивым, критичным: «Жаль, что здесь отличные картины густо перемешаны с ничтожными произведениями, которые сохраняются, а не

⁴ Цит по: Дональд Рейфилд. Жизнь Антона Чехова. М.: Изд-во «Независимая газета», 2006, с. 330.

выбрасываются только из духа консерватизма<...>. Дом, где жила Дездемона, отдается внаймы».

Впечатления от этого путешествия широко вошли в «Рассказ неизвестного человека», опубликованного в 1893 году. В нем не только знакомые «реперные отметки»: Венеция, Флоренция, Ницца, Монте-Карло (включая эпизод с рулеткой), но и личные ощущения писателя в словах героя (поселившегося, кстати, в Hotel Baur, том самом, где останавливался Чехов и Суворины).

Я любил сидеть на солнышке, слушать гондольера, не понимать и по целым часам смотреть на домик, где, говорят, жила Дездемона, — наивный, грустный домик с девственным выражением, легкий, как кружево, до того легкий, что, кажется, его можно сдвинуть с места одной рукой. Я подолгу стоял у могилы Кановы и не отрывал глаз с печального льва. А в дворце дождей меня все манило к тому углу, где замазали черной краской несчастного Марино Фальеро (на картине. — Д. К.). Хорошо быть художником, поэтом, драматургом, думал я...

В один пасмурный полдень, когда оба мы стояли у окна в моем номере и молча глядели на тучи, которые надвигались с моря, и на посиневший канал и ожидали, что сейчас хлынет дождь, и когда уж узкая, густая полоса дождя, как марля, закрыла взморье, нам обоим вдруг стало скучно. В тот же день мы уехали во Флоренцию.

По свидетельству Мережковского, судьба казненного 80-летнего дожа Венецианской республики Марино Фальери весьма заинтересовала Чехова, и он якобы собирался писать драму на сюжет, связанный с его заговором по захвату власти.

В конце второй недели путешествий Чехов с Сувориными галопом проскочили Болонью, оставившую «напряженное впечатление» от спешки. «От Болоньи до Флоренции 48 тоннелей», — подсчитал Чехов. Во Флоренции путешественники провели два дня. Появляются первые жалобы в письмах Antonio родным (29 или 30 марта) на усталость, мол, «замучился, бегаючи по музеям и церквям». Он добавляет: «Видел Венеру Медичейскую и нахожу, что если бы ее одели в современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно в талии». И, как рефрен, повторяется: «А Италия без солнца, это все равно, что лицо под маской».

К этим дням относится дважды повторяющаяся заметка в записной книжке: «Соломон сделал большую ошибку, что попросил мудрость». Причина ее появления не вполне ясна, предполагают, что это было следствием бесед с Сувориным. Тот вспоминал уже после смерти писателя, что Чехов начинал драму, где главным лицом является Соломон «Паралипомена» и «Песни Песней». От нее в бумагах Чехова сохранился довольно проникновенный, «тяжелый» монолог царя. Он начинается так: «О, как темна жизнь. Никакая ночь во дни детства не ужасала меня так своим мраком, как мое непостигаемое бытие»⁵.

Вообще, следует отметить, что в эти годы был расцвет дружбы Суворина и Чехова (несмотря на разницу в 26 лет). Писатель неизменно останавливался в доме Суворина, приезжая в Петербург, а тот частенько заезжал к Чехову в Москве, Мелихове или где-то еще. Они взаимно жаждали интеллектуального общения, делись мыслями, в том числе сокровенными. Позднее, в день кончины писателя, когда отношения между ними «как-то естественно» (по выражению современника) охладели, Суворин тем не менее написал в «Новом времени»: «Я обязан Чехову многим, обязан его прекрасной душе, которая молодила меня, которая давала и всем, кто с ним сходил, это чувство чего-то живого, прямого, благородного и вместе с тем здра-

⁵ ПССиП, т. 9, с. 194.

вомысленного <...>. В Чехове было что-то новое, как будто совсем из другой жизни, из другой атмосферы»⁶.

Случалось, что Чехову надоедали препирательства и брюзжание собеседника, бывали расхождения и размолвки даже в лучшие годы. «Суворин не в духе», — отметил он однажды в записной книжке во время поездки. Но именно перед Суворинным, как с его же слов утверждал А. В. Амфитеатров, писатель иногда «отворял храм души своей». Одна из таких бесед состоялась во время путешествия (в Венеции), и Суворин понял «всю трагическую глубину этого удивительного человека»⁷. Очевидно, он сам нередко отвечал взаимностью, делился потаенными мыслями. Поэтому совсем не случайно в 1904 году, сразу после смерти писателя, Суворин лично приехал в Ялту и просил М. П. Чехову вернуть собственные письма, адресованные Чехову. Когда письма были собраны, то за ними приехал брат Александр. Скорее всего, Суворин сразу же их уничтожил после возврата. Сведения о том, что эти письма (или сколь-нибудь достоверные сведения о них) появлялись в 1918 году, представляются фэйковыми. Вскрытый в те годы банковский сейф с документами Суворина (умер в 1912 году) содержал ряд писем, но к Чехову среди них был один лишь давний черновик.

Вечный город, Везувий и рулетка Монте-Карло

Начало апреля Чехов «со товарищи» провели в Вечном городе. «В Риме, живем, как кардиналы, потому что занимаем Salon в бывшем дворце кардинала Конти, а ныне в отеле „Minerva“; две больших гостиных, люстры, ковры, камин и всякая ненужная чепуха, стоящая нам 40 франков в сутки», — написал он домашним 1 апреля. Программа была стандартная (кстати, и по сей день): храм Св. Петра, Капитолий, Колизей, Форум, Ватикан («прошел 30—40 комнат» из 11 000) и «даже кафешантан». «Видел я все и лазил всюду, куда приказывали. Давали нюхать, — нюхал, — шуточно признавался писатель в тот же день в письме М. В. Кисилевой. — Но пока чувствую одно только утомление и желание поесть щей с гречневой кашей».

Чехов не раз жаловался, что «мешает погода», что «от хождения болит спина и горят подошвы». Тем не менее он однозначно утверждал, что Италия — «очаровательная страна», «единственная страна», где, «не говоря уж о природе ее и тепле, <...> убеждаешься, что искусство в самом деле есть царь всего...» (в письме родным 1 апреля).

Именно в Риме возник знаменитый сюжет о «зеленой травке», на которой тогда захотелось полежать Чехову. Суворин в 1904 году вспоминал: «Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчас по приезде в Рим ему захотелось за город, полежать на зеленой траве»⁸. (По разным воспоминаниям, сам же Суворин рассказывал, что Чехов первым делом узнал у швейцара адрес лучшего римского борделя.) Однако по-иному воспринимал этот эпизод Мережковский. Ссылаясь на слова Александра Сергеевича, сказанные во время их встречи в Риме, вспоминал в 1910 году: «Суворин, смеясь рассказывал, что Антон Павлович устал до смерти от музеев и церквей, и в Риме все просился куда-нибудь полежать на травке»⁹.

Представляется, что такое поведение Чехова может объясняться и другой, приводящей причиной. Вспомним строки из «Рассказа неизвестного человека»:

⁶ Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг. М.: Алгоритм, 2005, с. 133.

⁷ А. В. Амфитеатров. Собрание сочинений. Свет и сила. Т. XXXV. Пг., б/г, с. 214.

⁸ Алексей Суворин. Указ. соч., с. 132.

⁹ Русское слово, 17 января 1910 г. С. 2.

Я — отставной лейтенант нашего флота; мне грезилось море, наша эскадра и корвет, на котором я совершил кругосветное плавание. Мне хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда, гуляя в тропическом лесу или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и в то же время грустишь по родине.

Ясно, что они перекликаются с финалом рассказа «Гусев», опубликованного в декабре 1890 года, сразу после азиатского путешествия. Умершего в плавании по пути на родину отставного солдата завертывают в парусину и по морской традиции сбрасывают в пучину. А над всем этим царит как бы несвоевременный, удивительный по краскам тропический закат Бенгальского залива.

Судя по письмам, Чехов во время путешествия все время оставался мыслями в России, интересовался домашними делами, сердился, что «ничего не пишете мне», узнавал, сняли ли дачу на лето, просил передать приветы «сеньору Мангусу» (мангуст, привезенный Чеховым с Цейлона. — Д. К.) и «почтение г.г. скворцам». На него обрушились калейдоскоп европейской культуры, потоки мирового искусства, он устал, и в то же время в его подсознании постоянно присутствовала родина, он был накрепко связан с ней незримой корневой системой.

4 апреля Чехов с Сувориными поездом (пять часов пути из Рима) прибыли в Неаполь, оказавшийся, так сказать, самым приключенческим пунктом всего путешествия. Остановились на набережной, откуда прекрасно видна морская гладь, Везувий, Капри, Сорренто. «Днем ездили вверх, в монастырь St. Martini: отсюда вид такой, какого я никогда не видел ранее. Замечательная панорама, — написал писатель родным 4 апреля. — Нечто подобное я видел в Гонг-Конге, когда поднимался на гору по железной дороге».

И далее с «приперченным» юмором Чехов описывал местные достопримечательности: «У меня головокружение от магазинов. Сколько блеска! Ты, Маша, и Вы, Лика, сбесились бы от восторга <...>. В парикмахерской потолок и все 4 стены зеркальные, так что кажется, что имеешь дело не с циркульней, а с Ватиканом».

Естественно, что путешественники посетили раскопанные остатки Помпеи. «Я ходил по улицам сего города и видел дома, храмы, театры, площади... Видел и изумлялся уменью римлян сочетать простоту с удобством и красотой», — делился впечатлением Чехов в пространном письме родным от 7 апреля.

И далее — восхождение на Везувий, пожалуй, венец всего путешествия. Между прочим, участники отказались от простого решения — подъема на фуникулере. «До подошвы Везувия пришлось ехать верхом. Сегодня по этому случаю у меня в некоторых частях моего брэнного тела такое чувство, как будто я был в третьем отделении и меня там выпороли, — живописал приключения сам Чехов. — Что за мученье взбираться на Везувий! Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки и всякая пакость. Делаешь шаг вперед и — полшага назад, подошвам больно, груди тяжело... Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совестно, на смех поднимут. Восшествие началось в 2½ часа и кончилось в 6. Кратер Везувия имеет несколько сажен в диаметре. Я стоял на краю его и смотрел вниз, как в чашку. Почва кругом, покрытая налетом серы, сильно дымит. Из кратера валит белый вонючий дым, летят брызги и раскаленные камни, а под дымом лежит и храпит сатана. Шум довольно смешанный: тут слышится и прибой волн, и гром небесный, и стук рельс, и падение досок. Очень страшно и притом хочется прыгнуть вниз, в самое жерло. Я теперь верю в ад. Лава имеет до такой степени высокую температуру, что в ней плавится медная монета.

Спускаться так же скверно, как и подниматься. По колена грузнешь в пепле. Я страшно устал. Возвращался назад верхом через деревушки и мимо дач; пахло великолепно и светила луна. Я нюхал, глядел на луну и думал о ней, т. е. о Лике Ленской».

Некоторые важные детали добавило письмо-воспоминание Суворина об этой эпопее. Вот отрывки: «Приехали к круче. Там проводники говорят мне: вы поднимитесь на носилках, а молодой человек пойдет пешком. Носилки стоят 25 франков. <...> Минут через десять оглядываюсь. Чехов далеко сзади и сел на плечи двух проводников... <...> Так с передышками донесли нас до кратера Везувия. Раза три приходилось идти пешком. Наконец мы у цели. Было 6 часов. <...> Восхождение это стоило нам 96 франков. В 9 часов мы были в отеле и рассказывали свое впечатление»¹⁰.

Именно после этих недешевых приключений Чехов написал родственникам, что мог съездить в Европу гораздо дешевле, всего за 300 руб., а посему «все лето у нас, господ дворяне, не будет денег». Предполагал ли он, какие траты впереди?

Четыре дня спустя, включавших возвращение в Рим, Чехов вновь информировал родных 11 апреля: «Я еду в Ниццу по берегу моря. Только что миновал Геную. Виды великолепные, но все удовольствие портит скверная погода. Лупит дождь, небо пасмурно, земля грязная. Если и в Ницце будет такая же погода, то мы вернемся домой. Вообще благодаря погоде нашу поездку следует признать неудачной».

Итак, Чехов и К^о переехали в третью страну своего путешествия — во Францию (из Италии один из сыновей Суворина возвратился в Россию). Частые переезды позволили писателю сделать любопытный вывод, что «заграничные вагоны и железнодорожные порядки хуже русских», что в России «вагоны удобнее, а люди благодушнее», а на здешних станциях нет буфетов. Но замечание о неудачной поездке и нытье о плохой погоде, видимо, достигли ушей Суворина и запомнились ему.

Остановились, как положено, на берегу моря. Было пасмурно, но тепло. И здесь Чехов открыл то, что произвело на него сильнейшее впечатление, — рулетка. Он отправился в Монте-Карло в тот же день (час езды) и побывал потом несколько раз. «Вообразите себе залы Благородного собрания, красивые, высокие и более широкие, — писал он брату Михаилу 15 апреля. — В залах большие столы, на столах рулетка, которую я опишу Вам, когда приеду. Третьего дня я ездил туда и проиграл. <...> С первой же ставки я выиграл пару золотых, потом еще и еще, жилетные карманы мои отвисли от золота; были у меня в руках монеты французские даже 1808 года, бельгийские, итальянские, греческие, австрийские... Никогда в другое время я не видел столько золота и серебра. Начал я играть в 5 часов, а к 10 часам у меня в кармане не было уже ни одного франка, и у меня осталось только одно: удовольствие от мысли, что я купил себе обратный билет в Ниццу».

Чехов явно «подсел» на рулетку. Вот письмо непосредственно из Монте-Карло, помеченное 13 апреля: «Чорт (так у Чехова. — Д. К.) знает, какая зажигательная игра. Я сначала выиграл 80 франков, потом проиграл, потом опять выиграл и в конце концов остался в проигрыше франков на сорок. Осталось в запасе 20 франков, пойду еще попытаю счастья. Я здесь с утра, а теперь двенадцатый час ночи. Если бы лишние деньги, то, кажется, целый год играл бы да ходил по великолепным залам казино! Интересно смотреть на дам, которые проигрывают тысячи. Утром одна девица проиграла 5000 франков. Интересны столы с кучами золота. Одним словом, черт знает что. Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенький... разбойничий вертеп. Самоубийства проигравшихся — явление заурядное». И вдруг неожиданный финал письма: «Я соскучился шататься по белу свету. Пора и честь знать, а то пятки болят».

«Сравнительно честный способ отъема денег», превращенный в Монте-Карло в изысканный и азартный бизнес, породил в записной книжке писателя мысль: «Если принц Монако имеет рулетку, то каторжным иметь у себя картеж можно и подавно». Дело в том, что еще менее года назад на Сахалине Чехов увидел по сути нечто подобное, но в уродливой, низменной форме. Вот как он описал это сборище внутри

¹⁰ Цит по: Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2004, с. 560.

Александровской тюрьмы, называемое майданом, в книге «Остров Сахалин»: «Майдан — это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штосу и другим азартным играм». Только ставками здесь были не десятки или сотни франков, а «кусочки сахара, белые хлебцы, величиною в кулак, папиросы, бутылки с молоком и еще какие-то товары, завернутые в бумажки и грязные тряпочки»¹¹.

Монте-Карло влетело писателю в копейку — 900 франков, как признавался он в письме старому приятелю, другу юности Ф. О. Шехтелю (14 декабря 1891 года). Если считать, что «рубль равен франку», как писал сам Чехов, то получается изрядная сумма. Ее было бы достаточно, чтобы на два года нанять дом у Корнеева, где семья Чеховых жила до отъезда Антона в азиатское путешествие (и где ныне музей А. П. Чехова).

Чувство усталости и скрываемого за юмором раздражения стало появляться все чаще в посланиях родным, например, в том же самом письме брату Михаилу: «Около казино с рулеткой есть другая рулетка — это рестораны. Дерут здесь страшно и кормят великолепно. Что ни порция, то целая композиция, перед которой в благоговении нужно преклонять колена, но отнюдь не осмеливаться есть ее. Всякий кусочек изобильно уснащен артишоками, трюфлями, всякими соловьиными языками... И, боже ты мой господи, до какой степени презренна и мерзка эта жизнь с ее артишоками, пальмами, запахом померанцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, Вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну».

В один из дней Чехов посетил знаменитую русскую церковь в Ницце: «Вместо вербы — пальмовые ветви, вместо мальчиков в хоре поют дамы, отчего пение приобретает оперный оттенок, на тарелочку кладут иностранную монету, староста и сторожа церковные говорят по-французски и т. п. Великолепно пели „Херувимскую“ № 7 Борн<янского> и простое „Отче наш“», — отмечает он особенности «иностранной» службы в упомянутом письме Михаилу. В эти дни он не забывает поздравить родных с праздником Пасхи (к которой первоначально планировал вернуться).

Через месяц странствий по Европе Чехов в одном из писем (15 апреля) как бы подводит итоги: «Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. Море же не прельщает меня, так как оно надоело мне еще в ноябре и декабре (52-дневное плавание вокруг Азии с Сахалина в Одессу на пароходе „Петербург“. — Д. К.). Черт знает что, оказывается, что я непрерывно путешествую целый год. Не успел вернуться из Сахалина, как уехал в Питер, а потом опять в Питер и в Италию...»

В Париже

Кажется, к этому времени путешественники решили возвращаться («завтра мы едем в Россию») через Милан и Берлин, посетив по пути знаменитые альпийские жемчужины — озера Комо и Лаго-Маджиоре. Но направление резко меняется — на Париж. «Погода продолжает быть дурною, — вновь сетует Чехов в письме родным 17 апреля. — <...> Мне ужасно надоело завтракать, обедать и спать. На все это за границей тратится очень много времени. Сибирь, где путешественники не завтракают, не обедают и не спят, в этом отношении гораздо лучше. Там не ешь и потому чувствуешь себя как на крыльях».

¹¹ ПССиП, т. 14–15, с. 95.

19 апреля Чехов и Суворины поездом прибывают из Ниццы в Париж, центр политической и культурной жизни Европы, «очаг цивилизации» (по выражению Чехова). Обосновавшись в фешенебельном «Мирабо», они сразу устремляются на Всемирную выставку с ее главной достопримечательностью — Эйфелевой башней («Да, Эйфелева башня очень, очень высока»). Но осмотреть павильоны удастся только снаружи, поскольку внутреннюю территорию выставки блокировала конная полиция для предотвращения беспорядков. Дело в том, что это было 1 мая по европейскому (григорианскому) календарю. «Народ толпами ходил по улицам, кричал, свистал, волновался, а полицейские разгоняли его, — описывал картину Чехов в письме родным 21 марта. — Чтобы разогнать большую толпу, здесь достаточно десятка полицейских. Полицейские делают дружный натиск, и толпа бежит, как сумасшедшая. В один из натисков и я сподобился: полицейский схватил меня за лопатку и стал толкать вперед себя».

Чехов прикоснулся и к другой грани политической жизни Франции (письмо родным 24 апреля): «Представьте мое удовольствие. Я был в палате депутатов, как раз в том заседании, когда от министра внутренних дел требовались объяснения по поводу беспорядков, какие позволило себе правительство при усмирении бунтующих рабочих в Фурми (много убитых и раненых). Заседание было бурное и в высшей степени интересное».

В одном из писем родным (21 апреля) есть и кусочек парижской жизни: «Масса движения. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Терек бурный. Шум, гвалт. Трогуары заняты столиками, за столиками — французы, которые на улице чувствуют себя, как дома. Превосходный народ. Впрочем, Парижа не опишешь, отложу его описание до моего приезда...» Однако такого описания в произведениях Чехова, кажется, не встречается. (Если не считать замечательной юморески «В Париж!», написанной, правда, за пять лет до этого.)

В письме дяде М. Г. Чехову (21 апреля) Антон рассказал о посещении посольской церкви, где слушал пасхальную заутреню: «Церковь в Париже велика, размерами напоминает Митрофановскую, но было тесно и душно». Его поразило, что пели на службе французы, коих «понабилось» много, а греки слушали вместе с русскими.

В Париже у путешественников была активная культурная часть. Они посетили галерею восковых фигур (политических деятелей). Были на картинной выставке (Salon 1891). «Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король», — делился своим впечатлением Чехов с родными (21 апреля). Правда, признавался, что половины картин «не видел благодаря близорукости» (и отсутствию пенсне).

Суворин просил Чехова задержаться в Париже, предлагал дополнительный кредит. Он заказал местному скульптору собственный бронзовый бюст, и пока позировал в студии, его спутники путешествовали самостоятельно, уделив, в частности, время ночной жизни Парижа. Описание этих походов с массой подробностей оставил впоследствии А. А. Плещеев, живший тогда с отцом (известным русским поэтом) в Париже¹². Отдали они дань и кафешантанам с обнаженными девицами. Об этой парижской невидальи Чехов, «вернувшись из Содома и Гоморры», поспешил сообщить своему приятелю А. И. Урусову (3 мая 1891 года).

Почти в каждом письме Чехова из Парижа как мантра звучало: соскучился, надоело, домой...

«Я уже соскучился и новизна набила мне оскомину», — из письма родным 19 апреля.

¹² См.: Плещеев А. А. Что вспомнилось (за 50 лет). Париж: Возрождение, 1931 (глава об А. П. Чехове, с. 179–195).

«Человеки, подпоясывающие себя удавами, дамы, задирающие ноги до потолка, летающие люди, львы, кафешантаны, обеды и завтраки начинают мне противить. <...> Пора домой. Хочется работать», — из письма родным 24 апреля.

«Надоело путешествовать. Хочется работать», — из письма брату Ивану 27 апреля.

Вечером 27 апреля уставшая компания путешественников покинула Париж и после однодневной остановки в Берлине прибыла в Петербург днем 1 мая. Первый выезд писателя в Европу закончился. Тем же вечером Чехов уехал в Москву.

Однако на этом «европейская эпопея» не закончилась.

Конечно, полуторамесячное «турнэ по Европе» (как называл сам писатель) в 1891 году, скорее даже экскурсия со всеми удобствами, ни в какое сравнение не идет с азиатским путешествием 1890 года, настоящей «ездой в неизвестное», полное приключений и открытий. Там даже финальный вывод звучал образно и ярко: «Я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу и не обиделся бы, если бы трахнул меня паралич или унесла на тот свет дизентерия, — откровенничал Чехов 10 декабря 1890 года с „собратом по перу“ Леонтьевым (Шегловым). — Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был и в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне». Известно, что последняя фраза стала просто крылатой для всей биографии Чехова.

А европейские впечатления от восторга первых недель все чаще стали перемежаться с сетованиями на плохую погоду, усталость и, под конец, желанием поскорее вернуться домой. Кроме того, писателя тяготила дороговизна предприятия (и чем дальше, тем больше) и вина, что он оставит семью без денег (они, мол, думают, «мы бедствуем, а он там в рулетку играет»). Он как бы сожалеет, что бросил на полуслове «сахалинские дела» и не написал новой повести — «заграница помешала».

Такие настроения знал Суворин и некоторые другие адресаты Чехова. «Двулично-вольнодумствующему» брату Александру он послал вообще запредельную оценку: «Я уже вернулся из гнилого запада и живу на даче» (возможно, однако, имея в виду погоду). Поэтому вскоре распространился слух, что Чехову «не понравилось в Европе». 27 мая 1891 года Чехов из Богимово написал Суворину гневное письмо. Ссылаясь на слова Григоровича, что, мол, «Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от запада», он ответил: «Я не понимаю таких умных людей. Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз в Венецию или во Флоренцию, стать „отклоняться от запада“. В этом отклонении мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто оповестил всю вселенную о том, что будто заграница мне не понравилась? Господи ты боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом. Мне даже Болонья понравилась. Что же я должен был делать? Реветь от восторга? Бить стекла? Обниматься с французами? Идей я не вывез, что ли? Но и идеи, кажется, вывез».

Европа зримо и навсегда вошла в жизнь Чехова. Он позднее передавал с друзьями привет «чудесной Италии», но не завидовал тем, кто находился в Биаррице, признавался, что его «не тянет в Европу, но будь время и деньги поехал бы опять в Италию и Париж» (Суворину 18 октября 1892 года).

Чехов еще четырежды побывал в Европе — в 1894, 1897–1898, 1900–1901 годах и, наконец, в 1904 году.